

ИВАН ИСАЕВИЧ БОЛОТНИКОВ

В. И. Корецкий

Каждый истинный герой заслуживает подробного жизнеописания. Это относится и к Ивану Исаевичу Болотникову, возглавившему первую Крестьянскую войну в России на высшем этапе ее развития. Материалов о нем сохранилось мало, и они предельно кратки. До последнего времени историки вообще не располагали документами из лагеря восставших. Теперь стали известны отрывки переписки руководителей движения в Поволжье, но прокламации («письма») Болотникова еще предстоит разыскать. Советскими историками проделана большая работа по изучению первой Крестьянской войны, однако ряд вопросов еще ждет своего решения. Делом будущего представляется и написание полной биографии И. И. Болотникова.

1. В начале жизненного пути

В биографии И. И. Болотникова, пожалуй, наиболее слабо известен ее начальный этап. Проживавшие тогда в России иностранцы И. Масса и К. Буссов, довольно подробно описавшие восстание Болотникова, о его юных годах сообщают самые общие сведения. Русские летописцы добавляют к этому лишь некоторые отдельные штрихи. Суммируя все существующие данные о Болотникове, историки единодушно заключают, что он некоторое время был холопом князя А. А. Телятевского, в молодости бежал от него на «Дикое поле» к казакам, был захвачен в плен татарами, продан в Турцию, где несколько лет пробыл подневольным гребцом на галерах.

Далее в изучении жизни Болотникова возникают затруднения. Дело в том, что современники, считая его русским, не упоминают о дате, месте его рождения и родителях. Прижизненные портреты И. И. Болотникова до нас не дошли, а скорее, они и не были созданы. Попытку приблизительно установить его возраст предпринял И. И. Смирнов, перу которого принадлежит капитальное исследование о восстании Болотникова. Сопоставляя свидетельства И. Массы и К. Буссова о том, что Болотников бежал от своего господина «в молодости», с одной английской запиской, называющей его «старым разбойником с Волги», И. И. Смирнов пришел к выводу, что «во время восстания 1606—1607 гг. он был уже в зрелом возрасте, вероятно, даже немолодым человеком»¹.

Однако вызывает сомнение осведомленность автора этого донесения в Лондон (вероятно, им был английский дипломат Джон Мерик) о самом Болотникове. Вряд ли предводитель крестьянского восстания был старым человеком: иначе было бы непонятно, почему его в Турции определили на галеры, куда отбирали молодых, крепких и выносливых пленников. К тому же на Волге Болотников никогда не действовал, а там подвизался казачий «царевич» Петр. И. Масса характеризует И. И. Болотникова как «детину рослого и дюжего.., удалца, отважного и храброго на войне»². Судя по этому описанию, к моменту восстания Иван Исаевич был в расцвете сил и в возрасте до 40 лет. Если это верно, то значит Болотников — ровесник опричнины Ивана Грозного, а его юные годы приходятся на хозяйственное разорение, вызванное Ливонской войной, из которого господствующий класс искал выхода на путях дальнейшего закрепощения крестьян.

В конце XVI в. в жизни русского крестьянства произошли важные изменения, на долгие столетия предопределившие не только его судьбу, но и ход русской истории в целом. В России в основных чертах оформилось крепостное право. В 1581 г.

¹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М. 1951, стр. 138, прим. 2.

² И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М. 1937, стр. 156.

был принят первый заповедный указ — «заключенье царя Ивана Васильевича», запретившее крестьянам выход в Юрьев день и подтвержденное спустя 12 лет во время царствования его сына Федора Ивановича новым указом, который объявил незадолго перед тем составленные писцовые книги юридическим основанием крестьянской крепости. В 90-х годах XVI в. «добровольное» холопство было ограничено лишь шестью месяцами (ранее оно было бессрочным), после чего господа могли брать на «добровольных» холопов служилые кабалы. Кабальные же холопы были лишены права выплаты долга господам. И крестьяне и холопы потеряли возможность покидать своих хозяев. И те и другие были буквально выданы на «поток и разграбление» дворянам. На глазах у Болотникова помещики заставляли крестьян платить огромные по тем временам оброки и отбывать непосильную барщину. Они произвольно распоряжались крестьянским имуществом, переводили крестьян в свои дворы, подвергали их суровым наказаниям (били, сажали на цепь и т. п.), осуществляли сделки на крестьян без земли, вплоть до замаскированной их купли-продажи. Горькие сожаления об утраченных правах крестьян запечатлела известная поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!». Тяжелую холопскую долю отразила другая: «Неволя, неволя — боярский двор, хотя наешься, стоя выпнешься»³.

Все современники, русские и иностранные, исключая, пожалуй, К. Буссова, подчеркивавшего «рыцарство» Болотникова, говорят о нем как о холопе кн. А. А. Телятевского. Но неизвестно, был ли он старинным, наследственным холопом или же под влиянием каких-то тяжелых житейских обязательств поступил в кабальную службу из вольных людей, что в те времена не было редкостью. Некоторый ответ на этот вопрос дает сопоставление расположения земель А. А. Телятевского и детей боярских Болотниковых. Наследственные вотчинные владения А. А. Телятевского находились в Твери. Кроме того, он владел поместьями в Ростовском и Козельском уездах. Но наиболее примечательны сведения о его владениях в Московском уезде, где крестьяне пашню на него пахали, сено косили, дрова заготавливали и в Москву возили на подводах, обслуживая, очевидно, столичное княжеское подворье. В центральных же уездах, в том числе и в Московском, довольно распространена была и фамилия детей боярских Болотниковых, из которых одни были записаны в так называемую Дворовую тетрадь и входили во двор Ивана IV (из их числа впоследствии особо выделялся государев дьяк Иван Алферьев Болотников), а другие принадлежали к безвестной служилой мелкоте, сильно пострадавшей от «хозяйственного разорения» второй половины XVI века. Не из среды ли этих обедневших и разорившихся мелких служилых людей был и сам И. И. Болотников, давший на себя запись в холопы А. А. Телятевскому где-то в начале 80-х годов XVI в., когда «хозяйственное разорение» достигло своего апогея?

Привлекают внимание слова И. Массы о том, что И. И. Болотников до своего побега «в степь к казакам... был в Москве крепостным человеком боярина Андрея Телятевского»⁴. Они могут быть расценены не столько как указание на русское происхождение И. И. Болотникова (ниже И. Масса пишет, что он «родом из Московии»), сколько как свидетельство его пребывания в Москве в числе княжеской челяди. Но тогда, чтобы добраться до «Дикого поля», ему пришлось проделать немалый путь, многое увидеть, многое испытать, узнать многих людей. Не сохранили ли архивы следов этого побега? В деле, рассказывающем о наборе в только что построенный Елец служилых казаков и стрельцов, говорится о проживании в 1592 г. в одном из крапивенских поместий, недалеко от Тулы, «в зятях» некоего Ивана Болотникова. То, что Иван Болотников живет не в своем поместье, а у тестя, характеризует его человеком новым, пришлым, еще не успевшим или не имевшим возможности завести собственное хозяйство. Поместье, в котором обитал Иван Болотников, настолько маломерно, что племянник его тестя Миляйко Семенов был вынужден записаться на Елец в служилые казаки. Когда он попробовал забрать имущество, по-видимому, последнее, что оставалось в оскудевшем поместье, то Иван Болотников воспротивился этому. Миляйко Семенов подал на него в Москву в Посольский приказ

³ «Пословицы русского народа». Сборник В. Даля. М. 1957, стр. 836.

⁴ И. Масса. Указ. соч., стр. 156.

дьяку Андрею Шелкалову, ведавшему елецкими казаками, челобитную, обвиняя родственника в «грабеже»⁵.

Любопытно, что в крапивенской писцовой книге 1616—1617 гг., наиболее ранней из сохранившихся по Крапивне, уже нет никаких упоминаний ни об Иване Болотникове, ни о его жене. Не был ли этот крапивенский Иван Болотников Ивановом Исаевичем Болотниковым, нашедшим здесь свое пристанище во время бегства из Москвы, а затем, когда ему стало грозить расследование по челобитью М. Семенова, двинувшимся дальше на юг? Однако отождествить крапивенского Ивана Болотникова с Иваном Исаевичем Болотниковым пока не удастся. И не только потому, что нам неизвестно отчество первого... Дело в том, что в районе Тулы существовала другая ветвь служилых людей Болотниковых. С. Б. Веселовский опубликовал документ, согласно которому Сулем Болотников получил в Тульском уезде от Лжедмитрия II поместье кн. Григория Тюфякина. И не исключено, что именно к этим тульским Болотниковым и принадлежал Иван Болотников, на которого жаловался в Москву М. Семенов. Все же при работе над биографией знаменитого крестьянского вождя нельзя совершенно сбрасывать со счетов и факт нахождения в начале 90-х годов XVI в. в районе Крапивны, недалеко от Тулы, где позднее развернутся ожесточенные бои между восставшими крестьянами и правительственными войсками, некоего Ивана Болотникова, оттуда исчезнувшего.

Исследователи давно отметили блестящие военные способности Болотникова. С. Ф. Платонов предполагал, что И. И. Болотников был не простым холопом, а военным — «слугой (из военной свиты) князя Телятевского», призванным сопровождать князя в походах. Теперь это предположение подтвердилось. В недавно обнаруженном Кратком летописце И. И. Болотников действительно назван «слугой князя Андрея Телятевского»⁶. А это значит, что уже в Москве им были приобретены определенные военные навыки, приумноженные позднее у казаков, к которым Болотников, подобно другим людям, не пожелавшим мириться с узам крепостничества, бежал в южные степи. Но куда? В литературе высказано оригинальное мнение о побеге И. И. Болотникова «из черниговских вотчин» А. А. Телятевского в Запорожскую сечь⁷. Однако с этим нельзя согласиться, ибо никаких вотчин у Телятевского в Чернигове не было. Сохранилось лишь сообщение, что с воцарением Василия Шуйского Телятевский, его старинный недруг, был сослан из Москвы на воеводство в Чернигов. Но это произошло уже после того, как И. И. Болотников служил у него в холопах. Отсутствуют и какие-либо надежные данные о побеге Болотникова в Запорожскую сечь. Поток беглецов из России направлялся главным образом в «Дикое поле» — бескрайние степи за «засечной», укрепленной чертой и далее — на Дон. Поэтому традиционная точка зрения о побеге сюда Болотникова более предпочтительна.

На Дону и в прилегающих к нему местностях жили казаки, ревниво оберегавшие свою свободу и ведшие непрерывную борьбу с крымскими татарами, что накладывало на их жизнь суровый, военный отпечаток. Мы не знаем, сколько времени провел среди них И. И. Болотников и в каких казачьих походах он принял участие. Известно только, что ему не повезло: в одной из схваток с крымскими татарами он был взят в плен.

2. Турецкий плен и возвращение на родину

Скитания Болотникова на чужбине, вдали от родины заняли несколько лет. Из-за почти полного отсутствия источников здесь также часто приходится прибегать к предположениям. Скорее всего его привезли в Азов или Кафу (Феодосию) — центры невольнической торговли на Азовском и Черном морях. Сотни и тысячи захваченных

⁵ ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, 1593 г., № 1, л. 31; см. также Г. Н. Анпилогова. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М. 1967, стр. 332. Однако в именном указателе книги Г. Н. Анпилогова этот И. Болотников обозначен почему-то как И. Болотенков.

⁶ В. И. Корецкий. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова. «История СССР», 1968, № 4, стр. 130.

⁷ В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество. Киев. 1957, стр. 152, прим. 3.

людей—русских и украинцев угонялись татарами; другие, как И. И. Болотников, попадали в плен. Сюда из Турции приходили корабли с оружием, лошадьми, одеждой, предметами роскоши, а уходили в Стамбул груженные живым товаром. Те, кто был послабее и постарше, попадали в услужение к богатым туркам, а наиболее крепкие и выносливые — в подневольные гребцы на галеры. Оказался на турецкой галере и И. И. Болотников. Тяжелую жизнь на галерах в XVI—XVII вв. описывает один французский современник, свидетельства которого вполне приложимы и к турецким кадригам (в украинском просторечии «каторгам» — отсюда каторга, каторжный труд), строившимся по образцу европейских или византийских галер: «Вообразите себе плоское, длинное, очень узкое, очень низкое двухмачтовое судно длиною почти 50 метров, на 10 метров ширины, идущее в одно время на веслах и на парусах. Гребцы, в числе около 300 (в одной из украинских дум даже 350.— В. К.), сидели прикованные на 25 или 30 скамеек, пересекавших и заграждавших палубу наполовину с левой и наполовину с правой стороны. Пять или шесть гребцов на каждой скамье приводили в движение одно весло, которое опиралось на подставку, торчащую сверх палубы. Левые скамьи отделялись от правых проходом, узким помостом, служащим для перехода с задней части в переднюю. В этом проходе, более возвышенном, нежели скамьи, прогуливался галерный пристав, с кнутом в руке, управляя невольниками, прикованными под его ногами. Волны постоянно хлестали галерных невольников, прикованных к очень низкой палубе и обнаженных во всякую погоду до пояса. Спали и ели они по сменам, не оставляя своих скамей и не останавливая хода галеры. Они не знали никакого отдыха, даже в праздники,— не имея никогда права протянуться, переменить место, убежать на минуту от этой холодной скамьи»⁸.

И. И. Болотников провел на турецкой галере несколько лет. Он был освобожден одной из команд немецких кораблей, которые перехватили турок на море, и привезен в Венецию⁹. Не исключено, что во время этого морского сражения невольники не сидели сложа руки, а подняли бунт, чем облегчили победу. Такое случалось. Например, в начале 40-х годов XVII в. подневольные гребцы одной из турецких галер во главе с русскими пленниками, которыми предводительствовал бывший калужский стрелец И. С. Мошкин, взбунтовались, перебили турецких янычар, захватили корабль и пришли в Мессину, в «Шпанскую землю» (называли они так Неаполитанское королевство по правившей там испанской династии). Они пересекли пешком всю Италию с юга на север, побывали в Риме, затем в Венеции и вернулись на родину.

Для Болотникова первым итальянским городом, куда он попал по вызволении из турецкого плена, была Венеция. Здесь он жил, по-видимому, на немецком торговом подворье, расположенном вблизи моста Риальто через Большой канал, общался с его персоналом, возможно, научился объясняться по-немецки. Впоследствии в его повстанческом войске служило много немцев из проживавших тогда в России, которых царь В. Шуйский по взятии Тулы сослал в Сибирь. До Венеции, богатого торгового города, поддерживавшего оживленные связи со всей Европой, соотечественники которого жили и в далекой Москве, доходили слухи о происходивших в России в начале XVII в. драматических событиях: о голоде, длившемся три года подряд и унесшем многие жизни, о невиданных народных страданиях, побуждавших холопов и крестьян браться за оружие, наконец, о появлении в Польше человека, принявшего имя царевича Димитрия. Ижедмитрий I с отрядами казаков и поляков летом 1604 г. вторгся в русские пределы. Жители южных областей его поддержали, и уже на следующий год он завладел русским престолом. Резонансом этих событий явилось выпешшее в Венеции сочинение Бареццо Барецци под интригующим названием «Повествование о необыкновенном, почти чудесном завоевании отеческого престола, совершенном светлейшим юношею Дмитрием, великим князем московским в настоящем 1605 году»¹⁰.

⁸ «Исторические песни малорусского народа». С объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. 1. Киев. 1878, стр. 221—222.

⁹ К. Буссов. Московская хроника, 1584—1613. М.—Л. 1961, стр. 138.

¹⁰ С. Чиямпипи. Критический разбор неизданных документов, относящихся до истории Димитрия, сына московского великого князя Иоанна Васильевича. «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачевым». Кн. 1. СПб. 1858, отд. 3, стр. 9—10.

Из Венеции Болотников отправился в долгий путь. Его странствия не представляли чего-либо исключительного. О том, какие огромные расстояния приходилось преодолевать русским людям, побывавшим в турецком плену и служившим на галерах, можно судить по охранной грамоте польского короля Сигизмунда III от 1599 г., в которой предписывалось литовской пограничной страже пропустить на Русь «подданных князя великого Московского трех человек — Михайлу Омельянова з земли Казанской от замку Чобоксарина, Ивана Яковлева с Московской же земли испод города Каширы, Ивана Григорьева с города Дедилова». Они, будучи захвачены в плен, многие годы служили гребцами на турецких галерах, были освобождены во время одного из сражений испанского флота с турецким и «за ласки короля его милости Гишпаньского до земли Московской добровольне пущены суть»¹¹.

Маршрут Болотникова из Венеции на родину и происшествия, случившиеся с ним в дороге, устанавливаются из сопоставления известий К. Буссова и И. Массы, которые в данном случае существенно дополняют друг друга. Согласно К. Буссову, путь Болотникова на родину лежал через Германию в Польшу, чтобы «разузнать там про удивительные перемены, которые пронзошли на его родине в его отсутствие». К. Буссов сообщает, что весть о вторичном «спасении» «Димитрия», на сей раз от рук бояр-заговорщиков во главе с кн. В. И. Шуйским, воспользовавшихся народным восстанием в Москве 17 мая 1606 г. против поляков, чтобы убрать самозванца, заставила Болотникова ускорить свое прибытие в Польшу, где по слухам Дмитрий нашел убежище в Сандомирском замке. К. Буссов описывает встречу Болотникова с какой-то неизвестной личностью, вероятно, фаворитом самозванца Михаилом Молчановым, сумевшим после восстания 17 мая 1606 г. в Москве бежать в Польшу. Распросив Болотникова и убедившись, что имеет дело с опытным воином, «верным царю Димитрию», этот человек якобы сказал ему: «Я не могу сейчас много дать тебе, вот тебе 30 дукатов, сабля и бурка. Довольствуйся на этот раз малым. Поезжай с этим письмом в Путивль к князю Шаховскому. Он выдаст тебе от моей казны достаточно денег и поставит тебя воеводой и начальником над несколькими тысячами воинов. Ты вместо меня пойдешь с ними дальше и, если бог будет милостив к тебе, попытаешь счастья против моих клятвопреступных подданных. Скажи, что ты меня видел и со мной говорил здесь в Польше, что я таков, каким ты меня сейчас видишь воочию, и что это письмо ты получил из моих собственных рук»¹². С этим письмом Болотников направился в Путивль, где возглавил восставших.

Рассказ К. Буссова, в котором говорится о назначении в Польше каким-то неизвестным, выдававшим себя за «царя Димитрия», Болотникова главнокомандующим войсками, во многом непонятен. Неясно, почему такой чести был вдруг удостоен безвестный скиталец, возвращавшийся из Венеции на родину, о военной опытности которого стало известно новому самозванцу с его же слов? Записки И. Массы вносят некоторую ясность в сведения о том периоде жизни И. И. Болотникова. В них говорится, что И. И. Болотников какое-то время «служил в Венгрии и Турции и пришел с казаками числом до десяти тысяч на помощь мятежникам»¹³. И. И. Болотников «отслужил» свое туркам на галерах. Его же служба в Венгрии заключалась, по-видимому, в вооруженной борьбе с Османской империей на стороне антитурецкой коалиции Габсбургов. То, что И. И. Болотников служил там Габсбургам, как будто подтверждается известием К. Буссова о прибытии его в Польшу «через Германию», то есть через владения Габсбургов. Но, сообщая об этом, К. Буссов опустил важное звено в заграничных странствиях Болотникова — его службу в Венгрии, а также связи с запорожскими казаками. Вероятно, в представлении этого автора венгерские владения Габсбургов, примыкавшие к венецианским, отождествлялись со всей империей Габсбургов.

И. И. Смирнов обошел молчанием свидетельства И. Массы, больше доверяя доказательствам К. Буссова. Между тем маршрут Болотникова в Россию, указанный Массой, получил подтверждение в неизвестном доселе архивном документе. Позднее, в 30-х годах XVII в., некий орлянин Парамон Жданов, плененный татарами, бежав из

¹¹ «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и издаваемые Археологическою комиссиею». Т. IV. СПб. 1851, стр. 195.

¹² К. Б у с с о в. Указ. соч., стр. 138.

¹³ И. М а с с а. Указ. соч., стр. 156.

турецкого плена в Венецию, повторил чуть ли не буквально тот путь, который, согласно Массе, прошел, возвращаясь на родину, Болотников. В челобитье царю Михаилу Федоровичу П. Жданов сообщал, что из Венеции он двинулся «на Шпанскую землю, и на Угорскую, да на Муравскую, да на Шлонскую, Шлонской на Польшу в Краков город, а из Польши, государь, вышел в Путимль»¹⁴. По-видимому, Болотников шел по уже проторенному русскими полоняниками пути. Надо отдать предпочтение сообщению И. Массы, а не К. Буссова, и в отношении обстоятельств, приведших Болотникова на пост «большого» воеводы. Нахождение его во главе крупного казачьего отряда численностью до 10 тыс. человек, его военная опытность, исключительная храбрость, а не «назначение» из Польши определили избрание Болотникова восставшими крестьянами и холопами своим вождем.

Следы странствий Болотникова на чужбине явно нужно искать в венских, будапештских и бухарестских архивах. Могли сохраниться они и в архивах польских и чехословацких. Известно, что время умеет беречь свои тайны, но все же ключ к разгадке заграничных скитаний Болотникова может лежать и в архивах Венеции. В Венгрии в начале XVII в. перекрещивались интересы Венецианской республики, Габсбургской империи и султанской Турции. Участие казачьих отрядов в военных действиях в Трансильвании в конце XVI — начале XVII в. не вызывает сомнений. В 1594 — 1595 гг. во главе казачьего войска совершил поход в Молдавию и Венгрию Северин Паливайко, руководитель крупного крестьянско-казачьего восстания против польских и украинских феодалов. За событиями в Венгрии и Молдавии пристально следило венецианское правительство, заинтересованное в борьбе против турок. Его резиденты были в Клуже, Праге и Варшаве. Они регулярно доносили в Венецию обо всем, что происходило в Венгрии и Молдавии, в том числе и о казаках. Подобная информация поступала и в Вену. В 1604 г. в Венгрии действовали казачьи отряды в несколько тысяч человек, в Молдавии же общее число казаков достигало 12 тысяч. А затем известия о пребывании казаков в тех краях из документов исчезают, чтобы появиться вновь в 1613 г., когда «смута» в России пошла на убыль.

Дело в том, что в 1604—1605 гг. запорожские казаки начинают усиленно группироваться вокруг Лжедмитрия I. Казачьи самозванцы — претенденты на молдавский престол — Петр, Илья, Лазарь и другие появлялись еще в последней четверти XVI века. Поэтому в среде запорожских казаков и тесно связанных с ними польских магнатов (в первую очередь Вишневецких), участвовавших в молдавских авантюрах, идея самозванца идти на Москву во главе казачьего войска получила горячий отклик. К движению вскоре примкнули и донские казаки. В московском походе Лжедмитрия I сопровождало 12 тысяч запорожцев и множество донцов. Отосланные с богатыми дарами назад, на Украину и Дон, после вступления Лжедмитрия I на московский престол, запорожцы и донские казаки, естественно, стремились быть в курсе событий в России. В начале 1606 г. было заключено перемирие в Венгрии, а 23 июня — Венский мир. Характерно, что и И. И. Болотников с запорожскими и донскими казаками пришел в Россию к исходу лета 1606 г., когда восстание против царя Василия Шуйского, свергнувшего Лжедмитрия I, уже польхало на юге.

Связи И. И. Болотникова с запорожскими и донскими казаками, его борьба с турками, стремление вернуться на родину не позволяют видеть в нем и во время заграничных странствий кондотьера, жаждущего лишь добычи и славы. Но неверно было бы рассматривать его и как вполне сформировавшегося вождя крестьянского восстания. Скорее всего накануне Крестьянской войны он выступает как казачий атаман.

3. Поход на Москву

Василий Шуйский, посаженный на престол кучкой своих приверженцев, не чувствовал себя прочно ни в своей стране, с изумлением узнавшей о его воцарении, ни в столице, ни даже в собственном дворце. Новый царь страшился отравы, колдовства, дворцовой измены, тени самозванца. Поэтому первейшую задачу он видел в укреплении своего положения. И он делал для этого все, не очень-то стесняясь в средствах, соглашаясь на первых порах даже на серьезное ущемление собственных интересов.

¹⁴ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, г. Болхов, стб. № 32119, л. 175.

Ближайшему боярскому окружению и московским купцам он обещал не злоупотреблять властью. В Успенском соборе царь торжественно целовал крест на том, чтобы впредь без боярского суда и следствия никого не лишать ни жизни, ни имущества, не распространять опалы на ни в чем не повинных родственников, не слушать донощиков. Была составлена особая крестоцеловальная запись, впервые в России ограничивавшая произвол самодержца. Однако в дальнейшем царь Василий не склонен был считаться с нею и поступал так, как ему заблагорассудится. Стремясь заручиться поддержкой более широких слоев населения, В. Шуйский поспешил предать огласке тайны предшествующего царствования. По стране рассылались окружные грамоты, в которых рассказывалась история самозванца, сообщалось о его связях с польскими магнатами и иезуитами. В грамотах наряду с подлинными документами из архива Лжедмитрия I присутствовали и явно инспирированные показания пленных поляков о намерениях самозванца лишить русских людей православия и истребить бояр.

Не довольствуясь этими сенсационными разоблачениями, царь Василий решил срочно канонизировать царевича Дмитрия и перенести его мощи из Углича в столицу для погребения в Архангельском соборе, усыпальнице русских государей. Но многие русские люди отчетливо помнили, как совсем недавно В. Шуйский свидетельствовал в пользу самозванца, победно въезжавшего в Москву, предлагая видеть в нем истинного сына Грозного. А некоторые не забыли и 1591 год, когда тот же Шуйский, глава комиссии, посланной Борисом Годуновым для расследования загадочных обстоятельств смерти царевича Дмитрия, признал, что царевич зарезался в припадке падучей болезни. Столь противоречивое поведение Шуйского оборачивалось теперь против него самого. В народе сомневались в еретичестве Дмитрия, а намерения самозванца истребить бояр только приветствовали. Тотчас же начали распространяться слухи о спасении Дмитрия. Шуйский ошибался в главном. Ведя борьбу с призраком царя Дмитрия, он не хотел замечать поднимавшейся против него народной бури.

Рассылка из Москвы по пограничным городам на воеводство лиц, близких к самозванцу — неудачная мера предосторожности, — ускорила развязку. Присланный в Путивль кн. Г. П. Шаховской, обласканный в свое время Лжедмитрием I, публично заявил, что Дмитрий жив и его именем призвал горожан не подчиняться московскому правительству. К путивльцам вскоре присоединились жители других северских городов, в том числе и Чернигова, где воеводствовал А. А. Телятевский, давний недруг Шуйского. Население юга, связавшее свою судьбу с самозванцем, не ждало для себя от боярского царя ничего хорошего. Поэтому лозунг «царя Дмитрия» стал объединяющим для самых различных классов и социальных групп юга России: крестьян и холопов, служилых и посадских людей, стрельцов и казаков. Их толкали на выступление боязнь кары за поддержку, оказанную прежде самозванцу, стремление сохранить полученные от него привилегии, обида за то, что важное дело избрания нового царя было совершено в Москве без их участия и даже уведомления. Они требовали свержения В. Шуйского и передачи власти «царю Дмитрию», стремясь тем самым упрочить собственное положение.

Шуйский на первых порах пытался скрывать истинное состояние дел «на украинцах», объясняя сбор войск необходимостью отразить нападение крымских татар, якобы вторгшихся в южные пределы. Подготовка похода началась в июне 1606 г., а в июле из столицы были двинуты войска под Кромы и под Елец. Подойдя к этим городам, они обнаружили там, разумеется, не крымских татар, а соотечественников, сражавшихся за «царя Дмитрия». В Путивле, городе, богатом опытом предшествующей военной кампании в поддержку Лжедмитрия, формировались новые отряды. Они направлялись в сторону Кром и Ельца, осажденных царскими войсками. Военные действия здесь велись с переменным успехом все лето. «И под Кромами и под Ельцом были с воры и с ызменники многие бои и кровь туто многая межуусобная пролилась от воровского завода»¹⁵, — записал продворянски настроенный летописец.

Решительный перелом наступил с появлением «под осень» Ивана Исаевича Болотникова. Его приход с казачьим войском, в котором наряду с доновскими казаками крупную роль играли запорожцы, испытанным в боях с турками и крымскими татара-

¹⁵ «Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова». «Вопросы истории», 1971, № 5, стр. 148.

ми, ознаменовался полным поражением царских войск под Кромами. Болотников сразу же придал военным действиям истребительный для бояр и дворян характер. «Бысть в лето 7115 (1606) году, собрахуся боярские люди и крестьяне, с ними же пристаху украинские посацкие люди и стрельцы и казаки и начаша по градом воеводы имати и сажати по темницам. Бояр же своих домы разоряху и животы грабяху, жен же их и детей позоряху и за себя имаху»¹⁶, — свидетельствовал летописец. По словам одного польского современника, «под Кромами побито 8 тыс. людей Шуйского, гнали и били их на протяжении 6 миль»¹⁷. Победой Болотникова воспользовался другой руководитель восставших — тульский служилый человек Истома Пашков для нанесения удара по царскому войску, осаждавшему Елец. Дорога на Москву была открыта. Какими же путями двинулись восставшие? Одни историки полагают, что Болотников и Пашков наступали на Москву самостоятельно, первый через Калугу — Серпухов, второй через Тулу — Коломну¹⁸; другие включали войско Пашкова в войско Болотникова сразу же после победы под Ельцом¹⁹. Находка в Центральном государственном архиве древних актов положила конец этим спорам. Оказывается, одно из поместий в Рязском уезде запустело «от тех мест (в смысле времени. — В. К.), как с Ельца шол Пашков»²⁰. Значит, Болотников и Пашков действительно наступали на столицу каждый самостоятельно; но Пашков прошел к Коломне не через Тулу, как думали сторонники этой точки зрения, а через Рязань, вступив там в связь с рязанским дворянством, руководимым Прокопием Ляпуновым.

Веками копившаяся ненависть вырвалась наружу. Дворян, оставшихся верными Шуйскому, расстреливали, вешали, распинали у городских стен, сбрасывали с башен; зашив в медвежьи шкуры, травили собаками. Их имущество захватывалось, документы, удостоверявшие права на землю, на крестьян и холопов, уничтожались. То, что издавна проделывали над крестьянами господа, как неотвратимое возмездие обрушивалось теперь на их собственные головы. Тон задавал сам Болотников, истреблявший дворян в сражениях и после них. В Болхове по его приказу был казнен Афанасий Пальчиков, посланный в 1604 г. в Киев к князю К. К. Острожскому от патриарха Иова «з грамотою» обличать самозванца и вернувшийся на родину с воцарением Шуйского. По-видимому, на решение И. И. Болотникова казнить А. Пальчикова повлияли не столько его прошлые грехи, сколько его агитация против восставших в 1606 г. накануне их вступления в Болхов. Казни А. Пальчикова был придан показательный, устрашающий характер. Эмиссар царя Василия, призванный сеять сомнения в народе, был выставлен на всеобщее обозрение — прикован к городской стене и «распят». Каждый из болховских жителей мог воочию убедиться, какая судьба ожидает того, кто посмел бы усомниться в истинности «царя Дмитрия». Затем А. Пальчикова сбросили с башни.

В. Шуйский, со своей стороны, обрушивал репрессии на тех, кто предлагал «проповедовать» про «царя Дмитрия», чтобы в случае, если он действительно спасся и жив, «отдать ему государство, не губя людей»²¹. Среди дворян тех местностей, через которые проходили отряды Болотникова, произошло разделение: одни бежали в Москву, оставив в страхе свои поместья, другие присоединились к восставшим, подобно тому, как в 1525 г. в Германии рыцари во главе с Гёцем фон Берлихингенем примкнули к восставшим крестьянам, исходя из собственных интересов. Болотников давал перешедшим на его сторону дворянам поместья их бежавших или казненных собратьев. В круг новых «воровских помещиков» попадали, по-видимому, некоторые крестьяне и холопы. Но большинство их вступало в войско Болотникова, становясь «вольными казаками».

И. И. Смирнов относил формирование Болотникова как вождя крестьян и холопов еще ко времени его заграничных скитаний. «Именно в эти годы, — писал он, — сложи-

¹⁶ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. XIV. М. 1965, стр. 71.

¹⁷ «Восстание И. Болотникова. Документы и материалы». М. 1959, стр. 166.

¹⁸ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 172, 188.

¹⁹ А. А. Зимин. Некоторые вопросы истории крестьянских войн в России в начале XVII в. «Вопросы истории», 1958, № 3, стр. 109—110

²⁰ В. И. Корецкий. Новые документы по истории восстания И. И. Болотникова. «Советские архивы», 1968, № 6, стр. 79.

²¹ «Восстание И. Болотникова. Документы и материалы», стр. 166.

лось то мировоззрение Болотникова, которое привело к решимости поднять всеобщее восстание крепостных крестьян и холопов против феодального гнета. Именно в эти годы Болотников вынашивал те лозунги, с которыми он в годы восстания обращался в своих «листах» к крестьянам и холопам»²². В действительности дело обстояло не так. Заграничные скитания, безусловно, расширили кругозор Болотникова, но как народный вождь он сложился в огне Крестьянской войны. Тяга к свободе жила в сердцах восставших. Стихийные антифеодальные выступления происходили с самого начала движения. Появление Болотникова с казаками лишь способствовало сплочению крестьян и холопов, выдвижению их программных требований. Признание масс, важность задач, тяжесть ответственности, легшая на его плечи, пробудили в Болотникове те поистине огромные силы, ту энергию, наличие которых он, возможно, не сознавал в себе ранее и сам. В его действиях и воззваниях чаяния восставших получили свое наиболее законченное, наиболее полное выражение. Личность Болотникова наложила отпечаток на важнейшие события Крестьянской войны.

Там же, где действовали И. Пашков и П. Ляпунов, возобладали дворяне. Здесь, естественно, не было массовых расправ с феодалами. Выиграв сражение, эти военачальники отпускали пленных дворян после принесения ими повинной по домам, правда, наказав кнутом (очевидно, рассчитывая тем самым устроить их) и ограбив. Наиболее же упорные в непризнании «царя Дмитрия» отправлялись в Путивль. Так же поступали и с неугодными воеводами в городах. Тем самым эти военачальники стремились ограничить движение рамками феодальной «законности» и приглушить стихийно-социальный протест масс. Помещичья собственность, с их точки зрения, была неприкосновенна. Они хотели лишь устранить ненавистного царя и создать правительство, которое в своей деятельности учло бы специфические интересы южного дворянства. Дворянские «попутчики» с опаской следили за тем, какой грозный оборот для господ приобретали события в полосе наступления Болотникова.

А между тем города на его пути к столице открывали свои ворота без боя. О том, как это происходило, красноречиво свидетельствует пример Калуги. Этот город оказался занятым войсками кн. И. И. Шуйского, брата царя, посланными навстречу Болотникову из столицы. Тогда Болотников вступил в переговоры с калужскими посадскими людьми — «сослав с калужены». Те перешли на его сторону. Царское войско было вынуждено спешно покинуть город и дать 23 сентября 1606 г. сражение в невыгодных для себя условиях у Усть-Угры. Вступив в Калугу, Болотников щедро награждал тех, кто обеспечил переход города в руки восставших. Среди награжденных были калужские торговые люди Б. П. Шеплин и Г. М. Тишков, получившие 1 600 пудов соли московского торгового человека Т. Кляпикова, как выразился последний в своем челобитье на имя царя Михаила Федоровича, «за свою воровскую службу при Ивашке Болотникове»²³. Таким образом, Болотников в Калуге умело использовал противоречия между московским купечеством и местными торговыми людьми. При этом он ориентировался на все посадское население города, включая и торговых людей с высоким достатком — «лучших людей» и противопоставляя их московским купцам, существенно затрагивавшим их интересы. В дальнейшем, проведя здесь своеобразную «военную реформу», отписав от посада в пушкари часть «молодчих» и «средних» посадских людей, он ясно показал свое намерение опираться главным образом на городские демократические слои²⁴.

Из Калуги Болотников послал казацкие отряды на запад от Москвы во главе с атаманами Соломой, запорожским казаком, и В. Шестаковым, бывшим холопом А. Клешнина. Эти отряды заняли Боровск, Можайск, Вязьму, Волоколамск и достигли Дмитрова, охватывая Москву с севера. В Иосифо-Волоколамском монастыре произошел трагический случай. Дионисий Голицын, постриженный в монахи из знатного княжеского рода, подпоил казаков, а затем приказал связать их и выдать В. Шуйскому. Против казаков, действовавших к западу от Москвы, царь еще до ее осады отправил

²² И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 140.

²³ ЦГАДА, ф. Московская Оружейная палата, стб. № 37867, л. 1.

²⁴ В. И. Корецкий. Новый документ по истории русского города времени крестьянской войны и польско-шведской интервенции. «Археографический ежегодник за 1964 г.». М. 1965, стр. 326—327.

воевод Д. И. Мезецкого на Можайск и И. Ф. Крюка-Кольчева на Дмитров и Волоколамск. Поход последнего увенчался успехом, а Мезецкий задержался под Можайском, ибо жители города и засевшие там «вольные казаки» отказались сдаться. Наступая на Москву с основными силами, Болотников занял Серпухов, что вызвало в столице панику среди высших слоев. Царские войска пытались задержать повстанцев на реке Лопасне, но были опрокинуты. Остановить их удалось только на р. Пахре кн. М. В. Скопину-Шуйскому, племяннику царя Василия. Тогда Болотников отступил к Серпухову. Однако И. Пашков, заняв Коломну, наголову разбил у с. Троицкого высланное навстречу царское войско. В конце октября 1606 г. по осеннему бездорожью дворянские отряды подошли к столице. Сначала они расположились в Коломенском, а затем ближе к Москве, в Котлах. Вскоре здесь оказалась и сермяжная рать Болотникова.

4. Осада Москвы

Наступая на Москву двумя путями, Болотников и Пашков каждый в своей половине осуществляли командование независимо друг от друга, а после победы под с. Троицким создалась даже видимость преобладания Пашкова. Не дожидаясь Болотникова, он послал в Москву условия капитуляции: царь и два его брата, ненавистные дворянам, должны были быть выданы повстанцам. С приходом Болотникова встала задача объединения «союзных» войск (его и Пашкова) под единым командованием. Дворяне выдвинули на пост главнокомандующего И. Пашкова, своего вождя. Дворянские «попутчики», консолидировавшиеся на пути к Москве и подчинившие себе крестьян, холопов и казаков, находившихся в их войске, не прочь были навязать свою волю и тем крестьянам, холопам и казакам, которые несколько позднее подошли к столице во главе с Болотниковым. Однако их «гегемонистские» устремления были пресечены Болотниковым в зародыше. И решающее значение в установлении его верховенства имела не ссылка на авторитет «царя Дмитрия», о которой писал К. Буссов, а реальное соотношение сил, сложившихся к тому времени в повстанческом лагере в пользу восставших крестьян и холопов, твердость и непреклонность их вождя. Болотников взял верх над Пашковым, но не расформировал его дворянские отряды, а лишь оттеснил их с ключевых позиций у Котлов и Коломенского, заставив перейти в другое место, по-видимому, в район Угрешского монастыря. Так, под столицей наряду с лагерем Болотникова во все время осады существовал и лагерь Пашкова, подчинявшийся в военном отношении Болотникову до поры до времени, «по принуждению», но живший в значительной мере своей обособленной жизнью, позволявшей Пашкову втайне готовить измену. У дворянских «попутчиков» не хватило сил, чтобы объединить повстанческий лагерь под своим главенством, но они были достаточно сильны, чтобы помешать это сделать Болотникову.

В ноябре 1606 г. восстание охватило не только южные, но и центральные районы страны и Поволжье. На стороне повстанцев оказалось свыше 70 городов. Городское движение вспыхнуло в Пскове, беспокойно было в районе Перми, восстала Астрахань. Русские и мордовские крестьяне вкуче со служилыми людьми осадили второй по величине после Москвы город Русского государства — Нижний Новгород. В ЦГАДА найдены отрывки из переписки руководителей восстания в поволжских городах, относящейся ко времени этой осады. Впервые историки получили сведения о восстании Болотникова из лагеря самих восставших. Руководители движения в Поволжье были связаны скорее всего с И. Пашковым и П. Ляпуновым. В своих отписках («письмах») они сообщали друг другу о различных политических событиях осени 1606 г., о «царе Дмитрие» говорили как о реальном лице, якобы находившемся в лагере восставших, просили о присылке подкрепления под Нижний Новгород. Как видно, в районах, охваченных восстанием, дело не сводилось лишь к расправе с господами, продолжавшими служить Шуйскому, а организовывалось управление и создавалось повстанческое войско²⁵. Восстание бушевало на огромной территории. Царь Василий, запертый в Москве и бывший без казны, напоминал современникам «птицу в клетке»²⁶. Спас его разлад в среде восставших.

²⁵ В. И. Корецкий. К истории восстания И. И. Болотникова. «Исторический архив», 1956, № 2.

²⁶ «Временник Ивана Тимофеева». М.-Л. 1951, стр. 114.

В противовес условиям капитуляции для В. Шуйского, намеченных Пашковым, Болотников выдвинул свои. Здесь речь шла не о братьях Шуйских, а о выдаче «различных бояр» и «лучших горожан», виновных в покушении на убийство «царя Дмитрия» и указанных поименно. Расширяя проскрипционный список, Болотников, по сути дела, посягал на всю правящую верхушку. Под удар попали и верхи московского посада, неприязнь к которым Болотников проявил уже во время похода на Москву. Его требования, обращенные к основной массе посадского населения столицы, в случае их принятия обеспечили бы ему занятие Москвы без вооруженной борьбы, как в свое время Калуги, несмотря на присутствие там сильного царского войска. И переговоры Болотникова с московскими посадскими людьми состоялись. Простой люд столицы готов был поддержать Болотникова. Но верхи московского посада почуяли опасность, которую таили для них требования вождя восставших. Очевидно, по настоянию этих верхов делегаты москвичей выдвинули Болотникову встречное требование предъявить собственной персоной того «царя Дмитрия», которому должны были быть принесены в жертву «разные бояре» и «лучшие горожане». На руку им и царю сыграл И. Пашков, который по дороге к Москве сеял слухи о нахождении «царя Дмитрия» в лагере восставших, а затем, задумав измену, сообщил москвичам, что его у повстанцев в наличии нет. Болотникову ничего другого не оставалось, как обещать жителям столицы послать за «царем Дмитрием» в Польшу, о чем и было составлено письмо в Путивль к кн. Г. П. Шаховскому.

Иллюзии о возможности вступления в Москву путем переговоров рассеялись. Прекрасно укрепленный город нужно было брать с бою. Предчувствуя всю остроту предстоящей борьбы, Болотников оттянул свой лагерь из Котлов в Коломенское. Но почти три недели были потеряны. Блокада Москвы оказалась незамкнутой. В Смоленске на помощь Шуйскому собиралось дворянское ополчение. Болотников сделал ставку на холопов и городские низы, рассчитывая на их вооруженное восстание в столице. Он обратился к ним с призывом бить господ и купцов и захватывать их имущество. «Листы» Болотникова окончательно открыли глаза дворянам. Классовая вражда к восставшим крестьянам вела их в стан Шуйского. С подобным явлением встречаемся мы и в Крестьянской войне в Германии, и во всех других крестьянских движениях, где к крестьянам на время примыкала часть дворян. Окончательному оформлению измены дворянских «попутчиков» способствовали царское золото и обещания богатых наград. Первым переметнулся на сторону Шуйского П. Ляпунов. С отрядом в 500 рязанцев он сумел проникнуть в столицу. Восставшие преследовали его, но безуспешно. Переход Ляпунова не принес сколько-нибудь значительного изменения в соотношение сил: на стороне Болотникова оставалось не менее 30 тыс. человек — очень большое по тому времени войско. Но П. Ляпунов показал дорогу другим дворянам.

И действительно, во время сражения 2 декабря 1606 г. у Котлов в решающий момент повернул фронт И. Пашков, который неохотно уступил первенство под Москвой Болотникову, а теперь предпочел перейти на сторону царя. Трагический для Болотникова исход этого сражения, его масштабы и жесточенность верно передал художник-миниатюрист, очевидец описываемых событий. На картине запечатлен последний этап битвы, когда после измены И. Пашкова определилась победа Шуйского, а Болотников начал отступление в сторону Коломенского. Поле битвы усеяно мертвыми и ранеными, отрубленными руками и ногами, брошенным оружием. Но это отнюдь не беспорядочное бегство. Восставшие отходят с боем²⁷. Три дня Болотников оборонялся в своем укрепленном лагере в Коломенском, отсиживаясь в остроге, сооруженном из сотен саней, набитых сеном и соломой и полных водой, «так что все это, — по словам И. Массы, — смерзлось, как камень»²⁸. Воеводы Шуйского беспрепятственно бомбардировали острог. Но лишь после того, как один из пленных раскрыл им тайну его устройства, они сумели зажечь острог «огненными ядрами». Болотникову удалось вырваться из кольца, и с остатками своего войска он отступил по старой дороге к Калуге; другие повстанцы бежали в Тулу. Царь учинил жестокую расправу.

²⁷ См. план Москвы из альбома И. Массы, содержащий это изображение битвы 2 декабря 1606 г. и помещенный в кн. И. И. Смирнова «Восстание Болотникова» между стр. 318 и 319.

²⁸ И. Масса. Указ. соч., стр. 162.

Тех, кого не доби́ли на поле боя, сотнями отводили к Москве-реке и Яузе и убивали ударом дубины в лоб, спуская затем под лед.

5. Оборона Калуги

Калуга не имела каменных укреплений. Несмотря на зимнюю стужу, восстановленными за две недели вокруг нее был возведен частокол, вырыты рвы и сооружено нечто вроде бруствера. Часть посадских людей Болотников перевел в пушкари. Они стали его надежной опорой. Когда царские войска подошли к Калуге и попытались взять ее приступом, то потерпели неудачу. Началась четырехмесячная осада города. С окрестных деревень были согнаны крестьяне, которые рубили деревья, кололи дрова и на санях свозили их к городу, сложив вокруг него «целые горы дров». Так возник дровяной вал («подмет»), посредством которого воеводы намеревались поджечь опоясывавшие город деревянные стены. Болотников разгадал замысел воевод, подвел подкоп и взорвал «подмет». На предложение сдаться Болотников ответил смехом. Замышлявших измену он приказал повесить на виду московского войска.

Пока воеводы топтались вокруг Калуги, царь Василий наметил ряд мер, призванных сплотить феодалов. В начале марта 1607 г. было принято Соборное уложение, которое подтвердило запрещение крестьянского выхода и продлило срок сыска беглых до 15 лет. Холопам же царь пошел на уступки, чтобы оторвать от восстания одних и не допустить присоединения к нему других. Принятию Соборного уложения предшествовало церковное действо по отпущению «грехов» москвичам специально привезенным для этого из Старицы престарелым патриархом Иовом. Организуя пышные церковные церемонии и принимая законы, Шуйский не брезговал и такими средствами, как яд и подкуп. В Калугу был послан некий немец Ф. Фидлер, вызвавшийся отравить Болотникова. По исполнению замысла он должен был получить от царя вотчину с крестьянами и большое ежегодное жалованье. В свою очередь, он обязался страшной клятвой, призывая на свою голову гнев всех небесных сил, если не выполнит задуманного. Однако Фидлер не оправдал ожиданий Шуйского. Попав в Калугу, он явился к Болотникову, рассказал ему о том, что замышлялось, и передал яд, получив за это награду. Царь по взятии Тулы сослал Ф. Фидлера вместе с 25 другими находившимися там немцами в Сибирь²⁹.

Между тем «царь Дмитрий» так и не появлялся. Охотников играть его роль не находилось. Тогда воспользовались тем, что объявился «царевич» Петр, мнимый сын Федора Ивановича. Им был вначале посадский, а затем «гуляющий» человек Илейка Муромец, побывавший в холопстве и оказавшийся в конце концов в казаках на далеком Тереке. Выбранный казаками «царевичем», он поднялся с ними по Волге до Свияжска и намеревался даже идти в Москву. Узнав о гибели Лжедмитрия I, казаки с «царевичем» двинулись вниз по Волге, грабя купеческие караваны и убивая попадавшихся под руку дворян. С Волги они перебрались на Дон, а оттуда на Донец, где их встретил посланец с грамотой «от князя Григорья Шаховского да от путимцев от всех», приглашавшей их в Путивль³⁰.

Приход «царевича» и казаков в Путивль придал движению Болотникова новый импульс. Расправы «царевича» над присланными в Путивль воеводами поразили воображение даже русских летописцев, на веку которых совершались опричные казни Грозного. «Царевич» собственноручно рвал на части жалованные грамоты. Его ненависть к феодалам, землевладельцам и холоповладельцам не знала границ. Но, поскольку условия для социального переворота еще не созрели, он, как и Болотников, вынужден был раздавать перешедшим на его сторону дворянам поместья, реставрируя ненавистные феодальные порядки (может быть, лишь в несколько смягченном виде)³¹. Находясь в Путивле, Лжепетр делал неоднократные попытки освободить Ка-

²⁹ К. Буссов. Указ. соч., стр. 142—143.

³⁰ «Восстание И. Болотникова. Документы и материалы», стр. 226.

³¹ Л. Н. Сухотин. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпы Печатного приказа). «Чтения» в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. IV. М. 1915, стр. 112—113; «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук». Т. II. СПб. 1836, № 57.

лугу от осады, но все они окончились безрезультатно. Тогда он перешел в Тулу, где за мощными каменными стенами укрепились другая часть отступивших от Москвы повстанцев. Царские воеводы опасались, что Болотников воспользуется вскрытием Оки, чтобы по воде прорваться на Волгу. В Калуге, богатом городе, торговавшем хлебом и солью, было много барок и лодок, которые могли быть использованы для перевозки его войска. Поэтому, едва лед тронулся, московский лагерь стал на ноги. Были сбиты плоты, на них посажены люди и поставлены пушки, чтобы воспрепятствовать Болотникову осуществить свой дерзкий план.

Однако опасность грянула с другой стороны. Посланный «царевичем» из Тулы на выручку Болотникова А. А. Телятевский 3 мая 1607 г. в битве на Пчельне нанес сокрушительный удар царским войскам. Двое воевод Шуйского — князя Татев и Черкасский были убиты, а разбитые войска «с великим ужасом» прибежали в свой лагерь под Калугу. Разгром довершил Болотников, ударивший по царским войскам из города. Боярские станы, пушки, множество другого оружия, военные припасы — все было брошено. Уцелевшие воеводы «устрашились и бегству вдalisя и все воинство такожде во след их побежало, кто елико мог»³². 9 мая головы и дырки стояли у московских ворот и записывали «дворян, и детей боярских и стрельцов, и всяких ратных людей, которые разбежались из-под Калуги»³³.

Современники, а впоследствии и историки упрекали Болотникова за то, что он не воспользовался успехом и не пошел снова на Москву. Но такой поход был бы возможен только в результате объединения сил восставших. Измученные осадой воины Болотникова одни не были способны на такой поход. А Телятевский, хотя и ненавидел царя Василия, но не настолько, чтобы идти на соединение со своим бывшим холопом. Он повернул в Тулу. Болотникову не оставалось ничего другого, как поступить таким же образом. Благоприятный момент был упущен. И когда восставшие попробовали прорваться к столице, войска из которой были выведены в связи с организованным царем походом на Тулу, царские воеводы успели перехватить их и разбить на р. Восме, близ Каширы (5—7 июня 1607 г.).

6. «Тульские сидельцы»

Василий Шуйский собрал 100-тысячное войско и осадил Тулу, число защитников которой было впятеро меньше. Начался последний, самый драматический этап восстания. Болотников превратил город в неприступную крепость. Все попытки царских войск взять Тулу штурмом провалились. Повстанцы каждый день совершали смелые вылазки и наносили им большой урон. Тогда царь принял план муромского служилого человека Ивана Кровкова — затопить Тулу водой. Царское войско день и ночь валило лес, набивало мешки соломой и землей: делало на реке Упе, что ниже Тулы, плотину, ведя ее с двух сторон. Вода хлынула в город и затопила запасы продовольствия и пороха. По свидетельству К. Буссова, вода поднялась так высоко, что по городу можно было передвигаться только на лодках и пармах. До нас дошло весьма колоритное послание «дворянина к дворянину» тульского помещика И. Фунникова, в котором он рассказывает о настойчивых попытках осажденных узнать, где у него спрятан хлеб: «А мужики... дважды приводили к плахе, за старые шашни хотели скинуть з башни, а на пытках пытаются, а правды не знают: правду-де скажи, а ничего не солжи. А яз им божился и с ног свалился и на бок ложился: немного у меня ржи, нет во мне лжи, истинно глаголю, воистинну не лжу. И они того не знают, больше того пыгают и учинили надо мною путем, мазали дважды кожу кнутом»³⁴.

В городе начался голод. Жители стали есть лошадей, собак, кошек. Против Болотникова возник ропот. Тогда он предложил убить и съесть его самого, если ему не удастся получить помощь и отстоять Тулу. Своим смелым заявлением он на время

³² «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею». Т. XIII. СПб. 1891, стб. 114.

³³ А. А. Зимин, Р. Г. Королева. Документ Разрядного приказа. «Исторический архив». Т. VIII. М. 1953, стр. 51.

³⁴ «Восстание И. Болотникова. Документы и материалы», стр. 128.

пресек недовольство. Однако положение осажденных с каждым днем становилось все отчаяннее. И Болотников с «царевичем» Петром пошли на переговоры с Шуйским, надеясь ценой сдачи Тулы спасти свое войско. Царь испытывал под Тулой большие трудности. Надвинулась осень, и дворяне стали разбегаться по домам. К тому же появился новый самозванец — Лжедмитрий II, собиравший силы, чтобы вызвать Тулу. Боясь повторения калужской истории, Шуйский спешил разделаться с восставшими в городе. В завязавшихся переговорах царю, прожженному интригану, удалось перехитрить вождей восставших. Они наивно поверили царскому слову отпустить повстанцев и их самих на свободу. Едва Тула открыла ворота, как приверженцы Шуйского в городе схватили Болотникова и «царевича» Петра и выдали царю³⁵. Сейчас становится более ясным вопрос о том, кто предал И. И. Болотникова. Когда в 1609/10 г. в Тулу из Калуги прибыл от второго самозванца с казаками Юрий Беззубцев — активный сподвижник Болотникова, принимавший участие и в обороне Тулы в 1607 г., то он разграбил имущество тульской посадского старосты Третьяка Зюзи, забрал, очевидно, вместе с другими документами, хранившимися у него, жалованную грамоту царя Федора Ивановича «тулякам», а его самого подверг пыткам и посадил в тюрьму³⁶. По-видимому, мы здесь имеем дело с актом мести по отношению к одному из представителей тульской посадской верхушки за совершенное им предательство — выдачу царю Болотникова и его сподвижников. В царском лагере на Болотникова посыпались упреки, оскорбления. Дворяне кричали: «Благодарим тебя, вор, благодарим, изменник!» Когда Болотников спросил, за что они его оскорбляют и что им нужно, ему отвечали: один — «За моего брата», другой — «За моего зятя», третий — «За моего сына» и т. д. Болотников с достоинством возразил им: «Я в этом не виноват, они убиты за свои грехи»³⁷. Поражает глубокая и непоколебимая вера Болотникова в правоту своего дела. Расправы над помещиками он рассматривал как справедливую кару за их насилия и произвол по отношению к крепостным крестьянам и холопам.

«Царевич» в надежде на помилование поведал собравшемуся под Тулой дворянскому войску о своем самозванстве. Но участь его была решена. Его повесили под Даниловым монастырем на Серпуховской дороге, по которой восставшие приходили к столице. Казнить публично Болотникова царь не решился. Он велел отправить его на север, в Каргополь. Поражение не сломило этого мужественного человека. Современник рассказывает, что по дороге в Каргополь в Ярославле на Болотникова пришли поглядеть дворяне и приказные люди. На их насмешки он отвечал, что еще настанет время, когда он будет зашивать их в медвежьи шкуры и травить собаками³⁸. Только в марте 1608 г. царь счел возможным расправиться с ним. Болотникова утопили, предварительно ослепив.

Стихийность и недостаточная организованность действий повстанцев, разрозненный характер локальных выступлений, отсутствие зрелой политической программы, наивный монархизм крестьян, а также военное превосходство царских войск не могли не сказаться: Крестьянская война потерпела поражение. Но в истории навсегда сохранилось имя ее вождя, возглавившего тех, кто с оружием в руках вели борьбу с феодальным гнетом, субъективно отражая в ней объективное содержание общественного сознания трудовых низов в феодальную эпоху.

³⁵ Попытка Д. П. Маковского возродить распространенную в дореволюционной историографии версию об «измене» Болотникова, якобы выдавшего в силу «идеологии кондотьеров» В. Шуйскому «царевича» Петра (см. Д. П. Маковский. Первая крестьянская война в России. Смоленск. 1967, стр. 389—399), опровергается анализом актовых и летописных источников.

³⁶ ЦГАДА, ф. Оружейная палата, стб. № 37713, л. 5.

³⁷ «Сказание Массы и Геркмана о Смутном времени в России». СПб. 1874, стр. 302.

³⁸ «Восстание И. Болотникова. Документы и материалы», стр. 174—175.